

Шерстянникова Е. А. Амбисемия лингвистического термина (на примере русской лингвистической терминологии XVIII — начала XX веков) / Е. А. Шерстянникова // Научный диалог. — 2018. — № 1. — С. 57—69. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-1-57-69.

Sherstyannikova, E. A. (2018). Ambisemy of Linguistic Term (by Example of Russian Linguistic Terminology of 18th — early 20th Centuries). *Nauchnyy dialog*, 1: 57-69. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-1-57-69. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 001.4:81+81'373.46

DOI: 10.24224/2227-1295-2018-1-57-69

Амбисемия лингвистического термина (на примере русской лингвистической терминологии XVIII — начала XX веков)

© Шерстянникова Елена Александровна (2018), orcid.org/0000-0002-6784-3139, кандидат филологических наук, доцент кафедры общественных связей, Сибирский государственный университет науки и технологий им. Академика М. Ф. Решетнева (Красноярск, Россия), lena_kolesnikova@list.ru.

Рассматривается проблема амбисемии в сфере русской лингвистической терминологии XVIII — начала XX веков. Отмечается, что в настоящее время существует множество работ, посвященных исследованиям в сфере терминологической семантики, при этом в фокусе внимания исследователей оказываются такие явления, как синонимия, антонимия, омонимия, полисемия в терминологии. Актуальность данного исследования обусловлена тем, что проблема амбисемии терминов, в частности лингвистических, недостаточно изучена. Автор утверждает, что это весьма характерное явление терминологии, находящейся не только на ранней стадии своего существования, но и на более поздних этапах. Показано, что до тех пор, пока варьирующая часть семантики термина не сформируется как величина категориальная, термин может функционировать с разным объемом содержания. Автор утверждает, что амбисемия — это неотъемлемая, естественная характеристика лингвистической терминологии, находящейся на стадии своего формирования. Делается вывод о причинах амбисемии: влияние других языковедческих традиций, в частности греко-латинской и западноевропейской; принадлежность исследователей к разным школам, направлениям и традициям; недостаточная изученность тех или иных языковых явлений; сложность фактов и явлений языка, требующая многостороннего и многоаспектного изучения.

Ключевые слова: амбисемия лингвистического термина; причины амбисемии в терминологии; русская лингвистическая терминология; формирование русской лингвистической терминологии.

1. Понятие амбисемии термина

Весьма заметной особенностью терминологии является амбисемия терминологических единиц. Термин *амбисемия* был введен В. А. Татириновым для определения свойства терминов «функционировать в языке с разным объемом семантики» [Татиринов, 1996, с. 133]. Амбисемия может быть вызвана рядом экстралингвистических причин, таких как использование одного термина разными научными школами, разными учеными, в разные периоды развития науки. Научная школа, отдельный ученый привносят свое понимание объекта науки. Однако и объективная действительность, и процесс познания развиваются и требуют уточнения системы понятий.

Итак, амбисемия «характеризуется неопределенностью содержания, вызываемой не отсутствием точности в описании предмета мысли, а стремлением различных научных школ и отдельных исследователей к более глубокому проникновению в сущность объекта исследования, стремлением отразить его ранее не изученные стороны» [Там же, с. 135].

Таким образом, амбисемия термина — это его естественное состояние, в основе которого лежат как внутриязыковые, так и внеязыковые причины.

Амбисемия русской лингвистической терминологии XVIII — первой трети XX века, на наш взгляд, имеет прежде всего экстралингвистическую природу: происходит одновременное формирование многих лингвистических понятий, недостаточно изученных, рассмотренных учеными по-разному; в грамматиках известных филологов представлены различные точки зрения, позиции, подходы к пониманию тех или иных терминов.

2. Амбисемия термина *наклонение*

Довольно показательный случай амбисемии наблюдаем у термина *наклонение*. В современном языкознании категория наклонения выражает отношение действия (состояния) к действительности, устанавливаемое говорящим; на этом основании разграничиваются изъявительное, повелительное и сослагательное (условно-желательное) наклонения [Розенталь и др., 1985, с. 136—137]. Однако так было не всегда.

Учение о наклонении русская грамматика заимствует из античной, греко-латинской традиции. В течение XVI—XVII веков устанавливается та славянская терминология, которая характерна и для современной русской грамматической теории наклонения. *Наклонение* — это термин, введенный М. Смотрицким (1619). Ранее предлагались термины *изложение*, *образ*. Закрепившийся термин *наклонение* не выражает сущности этой категории. Поэтому уже в древней греческой грамматике используется

термин *diathesis (diathesis psychike)* — «настроение», «психическое или душевное расположение». Термин указывает на то, что данная категория выражает отношение говорящего к действию, которое может быть либо действительным, либо предполагаемым, либо желаемым, либо требуемым. В латинской грамматике это значение было обозначено термином *modus agenda* — «образ действия» [Вейсман, 1894, с. 121—122]. Названия наклонений: *изъявительное* (Л. Зизаний, 1596), *повелительное*, *желательное* — сложились, видимое, еще раньше (до начала XVII века). М. Смотрицкий ввел термин *сослагательное наклонение*. К наклонению относился и инфинитив, названный Смотрицким *неопределенным наклонением*. Термин *желательное наклонение* был предан забвению вплоть до 70-х годов XIX века. Под влиянием грамматик западноевропейских языков, преимущественно французского, в русских грамматиках в конце XVIII века появляется *условное наклонение* [Виноградов, 1947, с. 581].

Количество, состав наклонений и взаимоотношение между ними определялись в грамматических трудах по-разному.

До 20—30-х годов XIX века в русских грамматиках господствовало учение о трех наклонениях: изъявительном, повелительном, неопределенном. Так, например, М. В. Ломоносов определяя *наклонение (образ)* как изображение действия посредством его простого наименования — либо с «желанием» и «отвращением», либо без отношения к лицу — выделил *изъявительное, повелительное и неокончателное (неопределенное) наклонения*.

Н. Г. Курганов, рассматривая *наклонение* как образ действия, выделил, помимо *изъявительного, повелительного и неокончателного наклонений, наклонение молителное или просителное*. «Наклонение есть случай показующій различный образъ дѣйствія или страданія вещей <...> Наклонения суть три: 1) изъявительное, коимъ что изъявляетъ: пишу, читаль. 2) повелительное, коимъ что кому повелѣваемъ: пиши, читай. 3) неокончателное, писать, читать. А вмѣсто желательного и сослагательного наклонений, которыхъ у насъ особливыхъ не имѣется; употребляемъ изъявительное съ приложениемъ союзовъ: когда бы, дабы, чѣбы, ежели, естли и проч. ...Кромѣ сихъ у Словянъ имѣются наклонения: молителное или просителное, по которому о чемъ либо просимъ или молимъ: **призри, помилуй, дай** или **подай, подаждь**, и проч. что въ Россійскомъ почтается за одно наклонение съ повелительнымъ» [Курганов, 1790, с. 28].

А. А. Барсов определил *наклонение* как изменение глагола в зависимости от цели и намерения высказывания. «Наклонение есть измѣненіе глагола по случаю и намѣренію, для котораго оный употребляется» [Барсов,

1981, с. 548]. Как и предшественники, языковед выделил *изъявительное наклонение, повелительное и неокончателное наклонения*.

Будучи сторонником философской грамматики, Л. Г. Якоб определил *наклонение* как способ суждения. Лингвист предлагает собственное видение данной категории, выводя такие формы наклонений, которых не было в предыдущих грамматических работах. Все суждения лингвист разделяет на *умозрительные* и *практические*. «Первыя служатъ къ опредѣленію, объясненію, или распространенію понятія; послѣднія къ опредѣленію свободныхъ дѣйствій. И такъ первыя сужденія для разума, а послѣднія для воли» [Якоб, 1811, с. 69]. В умозрительном суждении сказуемое, с одной стороны, может быть отнесено к какому-либо лицу. В таком случае суждение будет называться *личным суждением (наклонением)*. С другой стороны, сказуемое в суждении может выступать как признак какого-либо подлежащего и называться *безличным способом суждения*. «Умозрительныя сужденія представляютъ сказуемое, или въ отношеніи къ какому либо опредѣленному лицу, или какъ возможный признакъ какого либо подлежащаго, не опредѣляя его. Тѣ можно назвать личнымъ, а сіе безличнымъ способомъ сужденія» [Там же].

«Личный способ суждения» Якобом раскладывается на *безусловное, условное* и *проблематическое суждения*. В безусловном суждении сказуемое приписывается подлежащему, в условном сказуемое отрицается подлежащим, в проблематическом подлежащее или сказуемое выражают вопрос или проблему. «Ежели сказуемое приписывается какому либо подлежащему, или отрицается: то сіе происходитъ 1) или визуально, или условно. Въ первомъ случаѣ бывають безусловныя, во второмъ условныя положенія. 2) подлежащее, либо сказуемое представляется или извѣстнымъ, или проблематическимъ. Положенія, выражаемыя проблематическимъ образомъ, называются вопросами» [Там же, с. 70].

Внутри «практического способа суждения» Якоб выделяет *требовательное* и *желательное суждения*. Первое суждение выражает требование, второе — желание. «Что касается до практическихъ положеній, онѣ бывають или требовательныя, или желательныя. Первыя предполагають волю довольною причиною дѣйствія, и назначны приводить оную въ движеніе; послѣднія представляютъ предметъ воли только приятнымъ для подлежащаго, и выражаютъ стремленіе къ полученію онаго. Формы глаголовъ, коими показываються сіи различныя измѣненія, или способъ сужденія, называются наклоненіями глаголовъ» [Там же].

Н. И. Греч в своем труде «Пространная русская грамматика» *наклонение* определяет как способ соединения сказуемого и подлежащего.

При этом языковед полагал, что в русском языке два основных наклонения — изъявительное и повелительное: «Сказуемое может быть присовокупляемо къ подлежащему, посредствомъ глагола, двоякимъ образомъ: во-первыхъ, *повѣствовательно*, т. е. выражая, что такое-то сказуемое относится къ такому-то подлежащему: дитя плачетъ, книга была читана; во-вторыхъ, *повелительно*, т. е. выражая желаніе, приказаніе... напимѣръ: читай, будь любимъ. Сіи положенія глагола именуются наклоненіями: первое изъявительнымъ, послѣднее повелительнымъ» [Греч, 1830, с. 259]. Сослагательное наклонение — это составная форма, форма словосочетания.

П. М. Перевлесский рассматривает *наклонение* как форму глагола, выражающую степень убежденности говорящего в соединении подлежащего и сказуемого. Эта степень может быть представлена как действительная, возможная и необходимая. В соответствии с тремя степенями П. М. Перевлесский выделил три наклонения: *изъявительное*, *сослагательное*, *повелительное*. Действительной степени соответствует *изъявительное наклонение*, возможной степени — *сослагательное наклонение*, необходимой степени — *повелительное наклонение*. «О соединении сказуемого с подлежащим лицо говорящее имеет различные степени убеждения: иногда оно представляется ему действительным (суждение решительное или асерторическое), иногда — возможным (суждение проблематическое или нерешительное), а иногда необходимым (аподиктическое или необходимое)» [Перевлесский, 1965, с. 126].

Различные степени убеждения говорящего относительно соединения сказуемого с подлежащим в отношении к лицу говорящему выражаются в языке особыми формами глагола — наклонениями. «У лица говорящего три способа представления или три рода убеждения об соединении сказуемого с подлежащим; в языке три главных наклонения: изъявительное, сослагательное и повелительное» [Там же].

До П. М. Перевлесского *сослагательное наклонение* не рассматривалось как принадлежность русского глагола: «...желательного и сослагательного наклонений в российском языке особых нет, но вместо оных употребляют изъявительное с приложением союзом: когдабы, дабы, есть ли, буде и проч.» [Ломоносов, 1950—1959, с. 480].

И. И. Давыдов рассматривает *наклонение* как принадлежность глагола, которая выражает отношение действия к лицу, характер этого действия: «Кромѣ видовъ и времянь, въ глаголѣ выражается посредствомъ наклоненія различный образъ совершающагося дѣйствія, его тонъ, отношеніе бытія или дѣйствія къ лицу дѣйствующему. Наклоненія соотвѣтствуютъ логической образности (*modalitas*) сужденій» [Давыдов, 1849, с. 43].

И. И. Давыдовым выделено три наклонения: *изъявительное, повелительное, сослагательное*. Неопределенное наклонение лингвист рассматривает как одну из причастных форм наряду с *причастием* и *деепричастием*, располагая ее между глаголом и именем существительным. При этом *неопределенное наклонение* он располагает между глаголом и именем существительным. *Неопределенное наклонение* как имя глагольное было определено еще Г. П. Павским: «Когда въ глагольъ выражено только дѣйствіе, а дѣйствующее лице не опредѣлено, тогда онъ походить на имя существительное и называется неопредѣленнымъ наклоненіемъ (на пр. читать), или глагольнымъ именемъ (чтеніе). Когда же обозначается дѣйствующее лице, а не сказывается, которое оно, 1-е, 2-е или 3-е, тогда глагольъ имѣетъ видъ прилагательнаго имени и называется причастіемъ» [Павский, рас. 2, 1842, с. 11]. Н. П. Некрасов *неопределенное наклонение* рассматривал как существительную форму глагола, так как глагол в форме на *-ть* тесно связан с именем существительным в этимологическом (морфологическом) и синтаксическом планах, оно не имеет указания на лицо.

В. Классовский понимает *наклонение* как отношение подлежащего к действию, или, другими словами, соотношение между сказуемым и подлежащим. В. Классовский указал на три степени такого соотношения (ср. с точкой зрения П. М. Перевлесского). Первая степень — *изъявительное наклонение* — представляет собой форму наклонения, при которой соединяемость (или несоединяемость) действующего признака с подлежащим дана как факт. Вторая степень — *сослагательное наклонение* — является формой наклонения, при которой соединяемость (или несоединяемость) глагола с подлежащим фактически не существует, но должна превратиться в факт. Наконец, третья степень — *повелительное наклонение* — такая форма наклонения, при которой соединяемость (или несоединяемость) подлежащего и сказуемого зависит от влияния извне.

Со второй половины XIX века в связи со стремлением создать русскую национальную грамматику намечаются и иные, более оригинальные взгляды на категорию наклонения. Так, К. С. Аксаков высказывается за необходимость различения морфологических и синтаксических наклонений. Условное наклонение (с частицами *бы* и *было*) он относит к числу синтаксических; изъявительное и повелительное — к числу морфологических. Эта теория, в сущности, была углублением и развитием морфологической теории наклонения, которая нашла отражение в грамматиках Ломоносова, а затем в грамматиках Востокова, Греча.

Необычное понимание глагольного наклонения разрабатывает Н. П. Некрасов в книге «О значении форм русского глагола» (1865). Некра-

сов доказывает отсутствие форм наклонения у русского глагола. По мнению Некрасова, вместо всех возможных наклонений в русском глаголе выступают две его основные формы — существительная (инфинитив) и личная (спрягаемые личные формы глагола): «...сущѣствительная форма русскаго глагола соотвѣтствуетъ неопредѣленному наклоненію въ другихъ языкахъ, а форма личная — наклоненіямъ: изъявительному (*indicatif*), условному (*conditionnel*), сослагательному (*subjonctif*) и повелительному (*imperatif*)» [Некрасов, 1865, с. 117].

Таким образом, Н. П. Некрасов отрицал самостоятельные, морфологически отстоявшиеся формы наклонений в русском языке. Он подчеркивал разнообразие модальных значений русского глагола в речи (в разных синтаксических условиях и конструкциях), соответствующих формам наклонения в западноевропейских языках.

Взгляды профессора Некрасова на категорию наклонения не имели сторонников. Но грамматистам второй половины XIX века стала ясна неудовлетворительность старого учения о наклонениях русского глагола [Виноградов, 1947, с. 583].

В русской грамматике с конца XIX века инфинитив уже не относился к категории наклонения. Кроме того, было отмечено, что так называемое «изъявительное наклонение» — это «нулевая категория наклонения» (А. М. Пешковский).

Д. Н. Овсянико-Куликовский определил *наклонение* как форму глагола, выражающую либо желание говорящего лица, либо зависимость одного действия от другого, условность действия или состояния и т. д. Отсюда первое наклонение — наклонение, выражающее желание говорящего лица — названо *повелительным*, второе — наклонение, выражающее зависимость действия, условность — *сослагательным*. *Сослагательное наклонение* образуется посредством присоединения частицы *бы* (*бѣ*) к форме прошедшего времени. «Оно образуется через присоединеніе частицы *бы* (*бѣ*) къ формѣ прошедшего времени... Я бы помогъ тебѣ, еслибы ты этого заслуживалъ... Я бы охотно пошелъ прогуляться...» [Овсянико-Куликовский, 1908, с. 74]. Та форма глагола, которая не выражает ни желанія, ни зависимости или условности действия и т. п., называется *изъявительным наклонением*.

По словам А. А. Шахматова, посредством наклонения осуществляется связь между субъектом и предикатом. «Ясно, что приходится различать, с одной стороны, морфологические наклонения, а с другой, синтаксические; морфологические — это те словесные способы, которыми выражается чувство связи между субъектом и предикатом в формах глагола; син-

таксические наклонения — это те словесные способы, которыми вообще может быть выражено такое чувство» [Шахматов, 1941, с. 481].

Исследователь выделил *изъявительное наклонение, повелительное наклонение, предостерегательное наклонение, желательное наклонение, сослагательное наклонение, условное наклонение, ирреальное наклонение, недействительное наклонение, потенциальное наклонение, предположительное наклонение*.

3. Амбисемия термина *слог*

Анализ исследований ученых-грамматистов показывает, что амбисемия характерна и для термина *слог* (*склад*).

М. В. Ломоносов употребил термин *склад* в значении соединение «самогласных с согласными буквами. Сложение разделимых частей бывают самогласных с самогласными, например, *ай*, или самогласных с согласными, как *ра*, Первого рода сложения обыкновенно называют двугласными, второго — складами, хотя последнее название обоим приличествует» [Ломоносов, 1950—1959, с. 402—403]. В. Светов уточнил определение, данное Ломоносовым: *склад* — соединение *самогласной* с одной или несколькими *согласными буквами*; *склад* также может состоять из *двоегласной* или *троегласной*, либо из одной *самогласной*. «Изъ буквъ дѣлаются склады, изъ складовъ составляются реченія. Склады состоятъ 1) изъ одной самогласной сопряженной съ одной или многими согласными буквами, напр. тре-бу-ю; 2) изъ двоегласной или троегласной, какъ ай, яй; 3) изъ одной самогласной, какъ и-ной» [Светов, 1773, с. 30—31].

Н. Курганов, наряду с термином *склад*, употребил термин *слог* в значении сложение двух и более букв. «Слогъ или складъ есть сложеніе двухъ или многихъ разныхъ буквъ въ одно мѣсто: какъ слово *начало*, состоитъ изъ трехъ слоговъ на-ча-ло; а другое изъ четырехъ пре-му-дро-сти. По сему первое слово называется тресложное, а второе четырехсложное; а есть и страхъ односложныхъ» [Курганов, 1790, с. 2].

По мнению А. А. Барсова, *склад* может состоять из одной *самогласной буквы* либо из соединения *самогласной* с другими буквами, произносимыми одним выдыхательным толчком. Он же впервые предложил классификацию *склада*, выделяя *простой склад* (склад, состоящий из одной самогласной буквы); *сложный склад* (склад, состоящий из 1) двоегласной явственной или троегласной буквы, 2) гласной с предшествующей ей согласной буквой, 3) гласной с последующей за ней согласной буквой, 4) гласной, находящейся между двумя согласными, 5) явственной двоегласной, имеющей перед собой одну или несколько согласных букв; *неполный склад*

(склад, состоящий из одной или нескольких согласных букв, произносимых с еромъ или еремъ); *естественный склад* (*свойственный склад*) — все простые склады, а также сложные, оканчивающиеся на гласную букву; *художественный склад*, оканчивающийся на доегласную или согласную букву; *произносительный склад* (склад, не выражающий никакой мысли, не имеющий лексического значения); *знаменательный склад* (склад, выражающий какую-либо мысль, обладающий лексическим значением).

Н. И. Греч разводит понятия *слога* и *склада*. *Склад*, по Н. И. Гречу, это соединение двух и более согласных (или полугласных) букв. *Слог* же представляет собой соединение гласной буквы с согласной (гласной с согласной и полугласной, гласной с полугласной), произносимое одним выдыхательным толчком. Исследователь проводит следующее разделение слогов: *прямой слог* (слог, начинающийся с согласной буквы), *обратный слог* (начинающийся с гласной буквы и заканчивающийся согласной), а также *средний* (в «среднем слоге, гласная заключается между согласными: рот, стот, пест, страст» [Греч, 1830, с. 80]).

Представление о *слоге* как сочетании *гласной буквы с согласной или полугласной (придыханием)* встречается в работах А. Х. Востокова («Гласная буква одна, или въ соединеніи съ согласными или полугласными произносимая, составляетъ слогъ» [Востоков, 1871, с. 6]), Г. П. Павского («Сочетаніе согласной буквы или придыханія съ гласною называется слогомъ» [Павский, рас. 1, 1850, с. 66]), И. И. Давыдова («Гласная буква одна или въ соединеніи съ согласными и придыхаіями составляетъ слогъ. Изъ слоговъ образуются слова, или односложныя, или двусложныя, или многосложныя: Богъ, Царь; лѣ-то, го-родъ; у-че-ніе, о-те-че-ство» [Давыдов, 1849, с. 29—30]). По мнению В. Половцева, *слог*, в отличие от слова, не имеет значения. «Слова суть звуки, имѣющіе значеніе (по, ди, сю, да), и называемыхъ слогами. А слоги, слѣдовательно и слова, состоятъ изъ начальныхъ звуковъ (п, о, д, и, с, ю, д, а), именуемыхъ буквами» [Половцов, 1842, с. 10].

А. А. Потебня рассматривает *слог* как слово или как часть другого слова. «Слог сам по себе тоже имеет только искусственное существование; в природе, т. е. в человеческой речи, он существует только как слово, или как часть другого слова, составляющего одно целое, которое и в свою очередь есть только как часть высшего целого, т. е. самой речи» [Потебня, 1993, с. 64—65].

4. Выводы

Таким образом, анализ исследований, посвященных лингвистической терминологии XVIII — первой трети XX века, в частности формированию

терминов *наклонение* и *слог*, позволяет утверждать, что амбисемия — это неотъемлемая, естественная характеристика лингвистической терминологии, находящейся на стадии своего формирования.

Амбисемия может быть обусловлена рядом причин, среди которых влияние других языковедческих традиций, в частности греко-латинской и западноевропейской; принадлежность языковедов к разным школам, направлениям и традициям; недостаточная изученность тех или иных языковых явлений; сложность фактов и явлений языка, требующая многостороннего и многоаспектного изучения.

Источники

1. Аксаков К. С. Опыт русской грамматики / К. С. Аксаков. — Москва : Тип. Л. Степановой, 1860. — 176 с.
2. Барсов А. А. Российская грамматика / А. А. Барсов. — Москва : Изд-во Московского университета, 1981. — 386 с.
3. Востоков А. Х. Сокращенная Российская грамматика / А. Х. Востоков. — Санкт-Петербург : Департамент народного просвещения, 1871. — 186 с.
4. Греч Н. И. Пространная русская грамматика / Н. И. Греч. — Санкт-Петербург : Въ типографіи Издателя, 1830. — 432 с. (Репринтное издание)
5. Давыдов И. И. Опыт общесравнительной грамматики русского языка / И. И. Давыдов. — Санкт-Петербург : Тип. Императорской Академии Наук, 1849. — 249 с.
6. Курганов Н. Г. Письмовник, содержащий в себе науку российского языка со многим присвокуплением разного ученого и полезнозабавного вещесловия / Н. Г. Курганов. — Санкт-Петербург : Тип. Императорской Академии Наук, 1790. — 254 с.
7. Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений : В 10 т. / М. В. Ломоносов. — Москва ; Ленинград, 1950—1959 : Издательство Академии наук СССР. — Т. 7. — 995 с.
8. Некрасов Н. П. О значении форм русского глагола / Н. П. Некрасов. — Санкт-Петербург : В тип. и литогр. I Паульсона и К°, 1865. — 314 с.
9. Овсяннико-Куликовский Д. Н. Грамматика русского языка. Руководство для средней школы и для самообразования / Д. Н. Овсяннико-Куликовский. — Москва : Издание Жуковского, 1908. — 127 с.
10. Павский Г. П. Филологические наблюдения над строем русского языка : Рассуждения 1—3 / Г. П. Павский. — Санкт-Петербург : Тип. Императорской Академии Наук, 1850. — 335 с.
11. Перевлеский П. М. Начертание русского синтаксиса / П. М. Перевлеский // Хрестоматия по истории грамматических учений в России : учеб. пособие для студентов вузов / сост. : В. В. Щеулин, В. И. Медведева. — Москва : Высшая школа, 1965. — С. 122—139.
12. Половцов В. Русская грамматика для русских, печатанная по высочайшему соизволению / В. Половцов — Санкт-Петербург : Типография И. Глазунова и К°, 1842. — 160 с.

13. *Потебня А. А.* Мысль и язык / А. А. Потебня. — Киев : СИНТО, 1993. — 192 с.
14. *Светов В. П.* Опыт нового русского правописания / В. П. Светов. — Санкт-Петербург : Тип. Императорской Академии Наук, 1773. — 37 с.
15. *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов. — Ленинград : Государственное учебно-педагогическое издательство НАРКОМПРОСА РСФСР, 1941. — 620 с.
16. *Якоб Л. Г.* Начертание всеобщей грамматики для гимназий Российской империи / Л. Г. Якоб. — Санкт-Петербург : Тип. Императорской Академии Наук, 1811. — 79 с.

Литература

1. *Вейсман А.* Заметки к истории русской грамматики / А. Вейсман // Журнал министерства народного просвещения. — Санкт-Петербург : Тип. В. С. Балашева, 1894. — С. 121—122.
2. *Виноградов В. В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. — Москва ; Ленинград : Учпедгиз, 1947. — 782 с.
3. *Розенталь Д. Э.* Словарь-справочник лингвистических терминов : пособие для учителя / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. — Москва : Просвещение, 1985. — 399 с.
4. *Татаринов В. А.* Терминологическая лексика русского языка : эволюция проблем и аспектов изучения / В. А. Татаринов // Русский язык в современном обществе : функциональные и статусные характеристики. — Москва : ИНИОН, РАН, 2006. — С. 131—164.

Ambisemy of Linguistic Term (by Example of Russian Linguistic Terminology of 18th — early 20th Centuries)

© **Sherstyannikova Elena Aleksandrovna (2018)**, orcid.org/0000-0002-6784-3139, PhD in Philology, associate professor, Department of Public Relations, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology (Krasnoyarsk, Russia), lena_kolesnikova@list.ru.

The problem of ambisemy in the field of Russian linguistic terminology of 18th — early 20th centuries is considered. It is noted that currently there are many works devoted to research in the field of terminology semantics, where such phenomena as synonymy, antonymy, homonymy, polysemy in terminology are in the focus of researchers' attention. The relevance of this study stems from the fact that the problem of ambisemy of terms, in particular linguistic, is insufficiently studied. The author argues that this is a very typical phenomenon of terminology that is not only at an early stage of its existence, but in the later stages. It is shown that as long as the varying part of the semantics of the term is not be formed as a categorical value, the term can function with different content vol-

ume. The author argues that ambisemy is an essential, natural characteristic of linguistic terminology under its formation. The conclusion is made about the causes of ambisemy: the influence of other linguistic traditions, in particular Greek-Latin and Western European; researchers belonging to different schools, trends and traditions; insufficient knowledge of certain linguistic phenomena; complexity of the facts and phenomena of language, requiring a multilateral and multidimensional study.

Key words: ambisemy of linguistic term; causes of ambisemy in terminology; Russian linguistic terminology; formation of Russian linguistic terminology.

Material resources

- Aksakov, K. S. 1860. *Opyt russkoy grammatiki*. Moskva: Tip. L. Stepanovoy. (In Russ.).
- Barsov, A. A. 1981. *Rossiyskaya grammatika*. Moskva: Izd-vo Moskovskogo universiteta. (In Russ.).
- Davydov, I. I. 1849. *Opyt obshchesravnitelnoy grammatiki russkogo yazyka*. Sankt-Peterburg: Tip. Imperatorskoy Akademii Nauk. (In Russ.).
- Grech, N. I. 1830. *Prostrannaya russkaya grammatika*. Sanktpeterburg: V tipografii Izdatelya. (In Russ.).
- Kurganov, N. G. 1790. *Pismovnik, soderzhashchiy v sebe nauku rossiyskogo yazyka so mnogim prisvokupleniyem raznogo uchenogo i poleznobavavnogo veshchesloviya*. Sankt-Peterburg: Tip. Imperatorskoy Akademii Nauk. (In Russ.).
- Lomonosov, M. V. 1950—1959. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 10 t., 7*. Moskva; Leningrad : Izdatelstvo Akademii nauk SSSR. (In Russ.).
- Nekrasov, N. P. 1865. *O znachenii form russkogo glagola*. Sankt-Peterburg: V tip. i litogr. I Paulsona i K°. (In Russ.).
- Ovsyaniko-Kulikovskiy, D. N. 1908. *Grammatika russkogo yazyka. Rukovodstvo dlya sredney shkoly i dlya samoobrazovaniya*. Moskva: Izdaniye Zhukovskogo. (In Russ.).
- Pavskiy, G. P. 1850. *Filologicheskkiye nablyudeniya nad stroyem russkogo yazyka: Ras-suzhdeniya 1—3*. Sankt-Peterburg: Tip. Imperatorskoy Akademii Nauk. (In Russ.).
- Perevlesskiy, P. M., 1965. Nachertaniye russkogo sintaksisa. In: Shcheulin, V. V, Medvedeva, V. I. (sosts.) *Khrestomatiya po istorii grammaticheskikh ucheniy v Rossii*. Moskva: Vysshaya shkola. 122—132. (In Russ.).
- Polovtsov, V. 1842. *Russkaya grammatika dlya russkikh, pechatannaya po vysochayshe-mu soizvoleniyu*. Sankt-Peterburg: Tipografiya I. Glazunova i K°. (In Russ.).
- Potebnya, A. A. 1993. *Mysl' i yazyk*. Kiyev: SINTO. (In Russ.).
- Shakhmatov, A. A. 1941. *Sintaksis russkogo yazyka*. Leningrad: Gosudarstvennoye uchebno-pedagogicheskoye izdatelstvo NARKOMPROSA RSFSR. (In Russ.).
- Svetov, V. P. 1773. *Opyt novogo rossiyskogo pravopisaniya*. Sankt-Peterburg: Tip. Imperatorskoy Akademii Nauk. (In Russ.).
- Vostokov, A. Kh. 1871. *Sokrashchennaya Rossiyskaya grammatika*. Sankt-Peterburg: Departament narodnogo prosveshcheniya. (In Russ.).
- Yakob, L. G. 1811. *Nachertaniye vseobshchey grammatiki dlya gimnaziy Rossiyskoy imperii*. Sankt-Peterburg: Tip. Imperatorskoy Akademii Nauk. (In Russ.).

References

- Rozental', D. E., Telenkova, M. A. 1985. *Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov: posobiye dlya uchitelya*. Moskva: Prosveshcheniye. (In Russ.).
- Tatarinov, V. A. 2006. Terminologicheskaya leksika russkogo yazyka: evolyutsiya problem i aspektov izucheniya. In: *Russkiy yazyk v sovremennom obshchestve: funktsionalnyye i statusnyye kharakteristiki*. Moskva: INION, RAN. 131 — 164. (In Russ.).
- Veysmman, A. 1894. Zametki k istorii russkoy grammatiki. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Sankt-Peterburg: Tip. V. S. Balasheva, 121—122. (In Russ.).
- Vinogradov, V. V. 1947. *Russkiy yazyk. Grammaticheskoye ucheniye o slove*. Moskva Leningrad: Uchpedgiz. (In Russ.).